

Дмитрий Владимирович Щедровицкий

Мой дом – бесконечность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178296

Мой дом – Бесконечность: Молодая гвардия; Москва; 2004

ISBN 5-235-02755-8, 978-5-235-02755-8

Аннотация

От издателя: Дмитрий Щедровицкий – поэт удивительно современный и в то же время тяготеющий к темам вечным, насущным. Любовь и история, природа и мифология, экстаз и размышление предстают в его творчестве словно бы в некоем исконном, нерасторжимом единстве, облакаясь в поэтическое слово. И сквозь строки его стихов просвечивает Слово изначальное...

Содержание

I. Из книги «Ангел Соответствий» (1972 – 1973)	4
II. Из книги «Кленовый клан» (1974 – 1976)	18
III. Из книги «Осенний поезд» (1977 – 1980)	48
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дмитрий Щедровицкий

Мой дом – моя бесконечность

I. Из книги «Ангел
Соответствий» (1972 – 1973)

* * *

Как самоцелью и судьбой сонат,
Как в сон глубокий,
Сквозные зданья снежные звенят
На солнцепеке.
Преображенный переходит в боль —
И виден лучше,
Когда так сладко редок лист любой
В осенней гуще.
И в небольшие эти города
Уйду на треть я,
Неразличимый от кусочков льда,
От междометья...

1972

Пригорок

Подрезанное дерево – диковинный светильник,
Березы – только вышиты, судьба – совсем с иголки.
Лесные звезды спрятаны в суставах клена тыльных,
И светятся раскрытые ворота на пригорке.
Несложный выкрик скрытых птиц по рошицам рассован,
В глотанье глины – голоса разломанной недели,
Из глуби запаха болот – из кислого, косога —
Зовут белесо. Не поймешь – ликуют ли, в беде ли.
И ветер выросший поет, взобравшийся на клирос,
В воде сияют под травой невиданные лики.
Расстелим плащ, разломим хлеб, посетуем на сырость:
Идти придется до утра – темно стучать в калитки.

1972

Отверженный

Меня поймать решили,
А я уже не здесь.
Я вижу руки Шивы,
В них – стрелы, меч и месть.

Я помню, как он вырос
Из запаха цветка...
Мой прах огонь не выдаст,
А пепел съест река.

1972

* * *

Казалось бы – всегда с Луною не в ладу,
А лучше – с яблоком садовым.
Но косточки горчат, и движется наш дух
Меж влажным и медовым.
Но капли входят в пар, и льется молоко
Среди созвездий убеленных.
И птицы устают от белых облаков —
И прячутся в зеленых.

1972

Солнце

Священное зернышко ржи,
Для звезд оно тоненько светится,
И яблоком диким лежит
Под лапой небесной Медведицы.
Из разных углов и времен,

Ступая по спаянным лезвиям,
Сверкает старинный Амон,
Разбросан по разным созвездиям.
И тот, кто просторы вскормил
С немыми, святыми, тиранами,
Сокровище – весь этот мир —
Играет горящими гранями.

1972

Посох

<Из цикла>

<1>

Легенда

Разросшимся деревом, горчичной мечтой
Задеты монеты, оковы,
Укатятся с рук – и не страшно ничто
За детской игрой пустяковой...
Кому угрызенья зима задает,
Рождая ледовый фундамент,
Садами застывшими давит и бьет,
Подземными реками давит?
Буран расцветает – и ясьень несет
Поставить над всеми другими.

Какое название нисходит с высот
Забывшему прежнее имя?
Посеяв мечты о далекой стране,
Кто в странствиях дивных остался,
Чей посох усталый расцвел в тишине
В дали Киликийского Тарса?...

1972

* * *

Так душа, зимой внезапной
Облизав кору шершаво,
Охватив ветвями запад,
Поворот луча решала.
Посох – трубка мертвой крови,
К жизни зимнее введение —
От Ствола всего живого
Принимает дар цветенья.
И рубахой духа, лавой
Ветер в мысли сохранится —
На извилистых заглавьях
Богом созданной страницы.

1972

Али

Со смертью Али прекратились потоки,
И падали звезды, вопя о пощаде,
Вздымались низины, померкли пророки —
И вспыхнуло небо, с землею в разладе.
Но молвил Али о таинственном нищем,
Что явится ночью за царственным телом.
И брошен был труп на тележное днище,
И выли колеса в саду оголтелом.
Плоды опадали и лезли из кожи.
Но следом разгневанный вышел потомок,
И лошадь нагнал, и схватился за вожжи,
Взмахнув над возницей мечом среди потемок.
И нищий откинул с чела покрывало:
Открывший лицо пролетающей комете —
Али улыбался... И как не бывало
Ни лиц, ни времен, ни телеги, ни смерти.

1972

Всеобщее

Безмолвно чистит перья пеликан.
Над ним звезда разверзлась крестной раной,

И в пустоте тихоня-океан
Ласкает обездоленные страны.
Волна уходит в ясный плач – с людьми
Страдать ребенком, девушкой, старухой...
Прости меня, о Небо!
Протяни Сверканьем снов унизанную руку.

1973

География

Душа нагорьем раздраженным
Встает – и падает на карту,
Раскалывая дни и жанры
Теней объемного театра.
В картон впеклась живая рана —
Как брешь во вражеском кордоне,
И рукоплещут океаны,
И карта мокнет от рыданий.

1973

Моление о чаше

Ночь содрогнулась приближеньем боли,

Плоды пространства страхом налиты,
Звезд оскуденье слышимо сквозь голый
И зримый голос пустоты.
Толпой созвездий густо замирая
У входа в суженный зрачок,
Отягощенный свет вызывает: «Равви!
Я в этой тьме – один, как светлячок».

1973

Узнавание

Кого ты встретил,
Кого ты видел возле грушевой горы,
Кто с нами третий,
Кто двери лета затворенные открыл,
Кому все эти
Дубы и клены многоярусной игры,
Кто чище смерти
Оделся в тогу аистиных сладких крыл?...

1973

* * *

К небосводу багрового гнева
Обратился приземистый лик:
За окном собирались деревья,
Я поклоном приветствовал их.
– Что нам делать, стропила вселенной,
Колоколенок птичьих столбы,
Коль в подлунном наследном именье
Мы – клейменные страхом рабы?
– Препояшемся бранной листвою
И на пилы пойдем напролом,
Если Темный воссядет главою
За медовым гудящим столом.
Нам известны хоромы и клетки,
Мы в любое глядели окно.
Лишь молчавшим в течение столетий
На Суде будет слово дано.

1973

Триада

Я слово во тьме, словно птичку, ловлю —
Что может быть лучше пути к соловью?
Оставь голоса – недалек твой закат.
Ты знал, как отдельные звуки звучат.
Он все обращает пред музыкой в прах —
И с ней пребывает в обоих мирах.

1973

Праведник

Записывай: истрепанные травы
В поспе и созерцанье пожелтели,
И дуб темноволосый, многоглавый
Качается в молитве листвотелой...
Прости, но я неправильно диктую —
Шумели мысли, медленно стихая:
Я вписан в книгу, гневом налитую,
Я сам, молясь, смолою истекаю...

1973

Глухой

– Для чего ты звенишь, шелестишь,
Дал истоки звучаниям разным,
Разве ты соловей или чиж,
Что тревожишь нас голосом праздным?
– Что мне делать? При жизни со мной
Говорили лишь стоном и ревом,
И пред самой кончиной, весной,

Только клен перекинулся словом.

1973

Мороз

Название позабыл. Мне кажется, оно
И раньше редко так произносилось,
А нынче вовсе ветром сметено,
В минуту вьюги в память не просилось —
Осталось корку бросить за окно...
...Простите, не мертво оно. Скорей,
Застыло где-то. Зимами другими
Дышать ему пришлось...
Я вспомнил: это – имя.
Оно черствело льдинкой средь скорбей,
И было больше пламени любимо.

1973

Живущий в клене

Почувший скачки словесной лани,
Не медли, напрягая мысли лук,
Не оглянись, благословенья длани

С охотой возложив на легкий плуг.
– Он понимал, что говорят вокруг.
Склонившись над душой, расцветшей втайне,
Над чашей ароматов и заслуг,
Не зная речи, в сумерках желаний
Вкусивший от тепла вздетых рук —
– Он понимал, что говорят вокруг.
Скользят не по дороге лета сани,
Зимою колесницы слышен стук.
Над ним и в нем, концом его исканий —
Ствол вечности с дуплом избытых мук.
– Он понимал, что говорят вокруг.

1973

Лабиринт

И звук свирели с нивы непочатой,
Исполнен лепета птенцов,
Слетел с высот – и веки запечатал,
И усмехается в лицо.
Но иллирийцы напрягают луки,
Опутан нитью остров Крит,
И не пойму: то крылья или руки,
И не хочу глаза открыть.

1973

Роберту Стивенсону

Стучат настойчиво. Дверь отвечает
Таким же стучащим: «Кто?» —
И в чашке качается, вместо чая,
Из книги сухой цветок.
Мой дом встревожен. С обложкой белой
Возилась ключница час.
Все только спали. Все живы, целы,
Зевают окна, лучась.
Узнай себя в этом старом рае,
В негромком особняке,
С погасшим садом душой играя
И с веточкой лет в руке.

1973

Спицы лета вертятся быстрее,
Но и в них целую гром и шорох —
Мудрый город, круглый год кудрей,
Черною росой орошенных.
Окунаешь в пену и смолу
Локон золотеющий, летящий,
Наполняешь полднем легкий луг,
Желтым соком – жаждущие чащи.
Раствори мне губы в этот час,

И ворота неба, и бутоны:
В голубые гимны облачась,
Седину светил губами трону!

1973

Ирландия

Ты – болот и трясин колонист —
Пренебрег водопадом гортанным.
Рукавом от чудес заслонись,
Ослепленный ирландским преданьем:
Как оделись в печаль догола
И тела их олени, и лица,
Как из лука выходит стрела,
Будто слово из уст прозорливца,
Как зеленый пронзен среди полей,
Как в огонь увлекает багровый,
Как настигнутый синий олень
Закрывает надмирную кровлю,
О зверье застывающих чаш
Возвещая серебряным горном,
Расстилая светящийся плащ
В дольном мире – и в Имени горнем.

1973

II. Из книги «Кленовый клан» (1974 – 1976)

* * *

Сокрытой гранью глаза зрел я гурий.
Тот сад – вне мира, ибо в скорлупе
Любая часть захвачена орехом.
И жаркие слова, подобно рекам,
Стекались к ним, когда отшельник пел.
Их слушали, безмолвно брови хмуря.

1974

Мотылек

О, не летавший вовсе не жил,
И ждет бурлящая смола,
Иль холод ждет его. Но где же
Душа осуждена была
Летающая? Даже реже,
Чем в глаз вонзается игла, —

Случится то, что с Силой Зла
Произошло.

Недвижны межи

Меж тварью, что во тьме ползла —

И той, что дни считала те же,

Раскинутые веси нежа

Под перекладиной крыла:

Такая, лишь смежила вежды, —

Из тьмы в нетленья перешла.

Простором медленного взлета

И ты, погибший, одарен:

Тебя носил счастливый сон

Из края в край, в ночах без счета,

И обо всем земном заботы

Ты оставлял внизу, лишен

Телесной тягостной дремоты.

Но был убит однажды кто-то

Тобой, и жил на свете он

Лишь день. Ты вышел на охоту,

Бежал и медлил, ослеплен

Той полнотой ожившей ноты,

Тем бытием двойного счета,

Каким убийца наделен...

Бессрочно, как подруга Лота,

К вине соленой пригвожден, —

Как склеп под слоем позолоты,

Ты канешь в темный Аваддон!..

* * *

С ног сбивает, грозойю разогнанный,
Лучших снов улаждающий гул.
Даже вылететь шумными окнами,
Даже с тучей влететь – не могу.
Но какие фигуры выделявал
Сумасбродно танцующий гром...
Скрой меня, непостижное дерево
Под обманным зеленым крылом.

1974

* * *

Во мгле заграждали чешуйчатой грудью,
Встречались зимою – и было теплей,
Мостоми легли, берегли перепутья,
Ловили с обрыва, скрывали в дупле.
И слух, оглушенный первичной виною,
Очистился жертвой раскинутых рук
Великих деревьев, увиденных мною
В садах городских, и во сне, и в жару.
Приблизу к губам умолкающим палец —
И слышу, как бодрствует в мире ветла,

В молчанье зеркальной горой рассыпаясь
И Бога свята в сердцевине ствола.

1974

Детское

– Полосатый, застывший в полете,
Золотой и усатый страж,
Разрешите спросить: что несете?
Где медовый владыка ваш?
Что за нитки в накидке бальной
У одной из жужжащих дам?
– Это тайна. А вы, случайно,
Не из вражеских ульев к нам?

1974

...Когда судьбу его листали —
Как лист, он в осень был внесен.
Его одели в горностаи,
И в багряницу, и в виссон.
Там выступать ему велели
Надменным шагом короля,
Там успокаивали ели,
Ветвями плавно шевеля.
Там желтой завистью болели

Среди пылающей хвалы,
Там титульные листья тлели
И родословные стволы.
Но цел еще среди кружев рваных
Закатной гордости рубин...
И он здесь – первый среди равных
И зритель гибельных глубин.

1974

* * *

Иссохшие в упряжи солнечной,
С дороги уставшие росной —
Зрачки, распряженные полночью,
Притягивал ствол венценосный.
И, каждым натянутым волосом
Участвуя в пении чисел,
Луну поднимала над возгласом
Древесная царственность выси.
То милует ночь, то горчит она
И тянет пыльцою болотной.
Ты слышал, как иглы сосчитаны
И судьбы подогнаны плотно.

1974

* * *

Там бегут заката нити —
Красный облачный клубок,
Там в незнание и наитье
Чуток сон и неглубок.
Там в прихожей мироздания
Рано память не спала —
Пережито все заранее
И оплакано сполна.
Там про будущее шепчут
И багульник на лугу —
Я вослед звезде сошедшей
По поляне побегу.

1974

Без ветра я не вижу.
Это он Несет навстречу полдень и размеры —
Всех ароматов тайный эталон,
Рождающий в невидимое веру.
Едва к незримой скважине прильну,
Я слышу: он, подобно пьющей лани,
Подталкивает мелкую волну
Из глубины в каналы обонянья.
Фигуры возникают к сентябрю

Избытых судеб – поредевшей бронзы,
И я на них сквозь изгородь смотрю,
Особенно – когда темно и поздно.

1974

* * *

В нотных и высоких классах птичьих
По опавшим и плывущим дням
Удивленных учат безразличью
Облака, к безумию клоня.
Ветер – неумный сборщик дани —
Обегает сеть начальных школ.
У калитки ждет похолоданье
И уводит в прошлое пешком.
Все, что летом вслушаться мешает
И по зренью бьет, как футболист, —
Отлетает, как настольный шарик,
Этикетка и осенний лист.

Хранитель
<Из цикла>

<1>

Острые иглы составили нежную хвою,
Полдни опали, и памяти мягко пройти.
В этой дороге за все воздается с лихвою,
Выбери цель, а иначе недвижим твой тир.
Выбери образ, чтоб ожил и двигался долго,
Лишь не разбей скорлупу ледяную стрельбой, —
Пусть он глядит, словно волк из глубокого лога,
Пусть, словно коршун, висит высоко над тобой.
Много за лето настрижено в гнездах стрижиных
Птичьего пуха. Теперь снизойдет на меня
Шестиконечное благословенье снежинок,
Благословение дивного Божьего дня.

1974

<2> Одиссей

Мне мысли жег, томил мне жилы страх —
С бесформенной стихией породниться,
Но я повис над морем на руках —
И пробужденье было, как зарница.
Ты яви светлой в чашу мне долей,
А вы цветами ложе уберите:
Покуда день взошел – я одолел

1974

<3> Сон

Еще я сам не испытал,
Лишь слышал, как другие...
Но нарастала высота,
Гремела литургия,
И дух, безбрежно воспарив,
Летя сильнее и дальше,
Верша безудержный порыв, —
Насторожился вдруг, открыв
В звучаньи ноту фальши,
Но поздно, сумрак, и – обрыв.

1974

Напоите ее мускатным вином,
Умастите ее мускатом:
И сокройте ее под песчаным дном,
В той реке за холмом покатым.
Слишком бурно бил сок из стволов молодых,
На коре было много знаков,
И невиданно зрели в тот год плоды,
Напоив ее – и оплавав.

1974

* * *

И выходит юноша из моря —
Он едва дорогу отыскал,
И в зрочки – в чернеющие норы —
Возвратилась смертная тоска.
Утвердись на суше, всадник пеший,
Потерявший пенного коня.
Ты – морской, но я тебя утешу,
Брат мой, отлученный от меня.
Из Руки, вовеки совершенной,
Примешь снова черепаший лук...
Созревая в пропасти душевной,
Сладко слово, сказанное вслух.

1974

* * *

Я был знаком с высоким стариком.
Он говорил: «Встречаешься со всеми —
И ничего не знаешь ни о ком:

Одни сошли с ума, другие немы.
И только раз, очнувшись ото сна,
Я удержал далекие раскаты
Дней, проведенных с нею... Ведь она
Была подругой осени покатою —
Моих недавних лучезарных дней,
От нош ночных еще не одряхлевших.
Мы собирали травы вместе с ней,
В кустах и в людях узнавая леших.
Она учила, как варить настой,
Чтоб шел январь, а кровь не замерзала,
Она была морщинистой, простой,
И о себе ни слова не сказала.
И вот она приснилась мне теперь,
Кивала мне и пела мне средь света,
И открывала облачную дверь,
И возвращалась в огненное лето.
В тот самый день она и умерла.
А то с одним встречаюсь на бульваре,
А у него из плеч – два топора,
И толпы обезглавленных кивали, —
Так снилось мне... Растишь и катишь ком
Знакомств на этом ледяном обеде —
И ничего не знаешь ни о ком.
Не помнишь даже, как зовут соседей».

РОЖДЕНИЕ

1

Пребыть в Твоей целости,
Духом вместившей
Сияющей смелости
Крик и затишье, —
Чтоб, мысленным волосом
За тьму зацепившись,
Меж смертью и голосом
Не пасть, оступившись.

2

Прославляют Херувимы Его,
В твердой воле духом нежась.
Как легко нести Незримого
И Родившего всю тяжесть!..

3

Дрожь пред Лицом, голубиный трепет,
И на крыле уносит слова
Тот, Кто подвижные гнезда лепит,
Но умещается в них едва,
Кто, словно сладостный воздух, выпит,
Слился с душою в слезах, в крови...

Сознание

Там, внутри, плодоягодный жар, и не глуше,
Чем во внешнем саду, пробиваются дни.
Только зренье, как нищий, ночует снаружи,
И ему наливные стволы не видны.
Там раздумья, средь сумрака снов хорошея,
Капли памяти пьют, чьи черны черенки.
Кто же зренье, как странника, выгнал взащей,
Чтоб его вместо крыльев несли сквозняки?
Пламенея, всмотришь сквозь глухие ворота —
И заметь управителя злого следы:
Там, скрывая лицо, меж дорожками кто-то
Топчет сад, пилит сосны, срывает плоды.
Сколько летних недель он удерживал с визгом
Пересветы зениц на краю пустыря!
Но синицы слетаются, если он изгнан,
И в зрочки не вечерняя глянет заря.

1975

Сад

Каким он был,
Когда судьбы

Прекрасный ливень
Живил и бил, —
И зимние отверз гробы
И почкам и цветам счастливым!..
Каким он стал, Когда уста
Истаяли в сожженных криках
В чертогах яблонь ясноликих,
И в тех местах,
Необитаемых и диких,
Где даже страх
Получит рану или вывих, —
Он весь в улитках, как в живых уликах,
У безвоздушных плах!..

1975

* * *

И снилось мне, что каждый строил дом —
И, возведя, селился в нем навечно:
В норе подземной делался кротом,
Иль возносился, Путь построив Млечный,
Иль вырыв русло, делался рекой, —
Что начал, то заканчивал без риска.
А я ушел настолько далеко,
Что стал бездомным, возвратившись близко.

1975

* * *

По лестнице-ели,
Минуя за ярусом ярус,
То в вихре, то в теле,
То в радость впадая, то в ярость, —
До облака-блика,
До стога, до рога оленья,
До цели великой —
До полного отождествленья...

1975

Вавилон

Жильцы бульвара, в летнем истощенье,
Стенали – от корней и до вершин.
Асфальт, в рекламном красном освещенье,
Кишел, гудя, нарываами машин.
И по больному городскому телу
Он к центру шел, где фары в полутьме
Сновали в страхе, потеряв пределы,
Как мысли в помрачившемся уме.

Он шел и думал: «Стоит ли стараться?
Влюбляйся в город, бойся и спеша —
Но после трех тяжелых операций
Лишишься легких, сердца и души.
Иль на погренье создан я и на смех,
Иль только кожа – щит мой и броня,
Чтоб скальпель пляской рассечений властных
За гранью дней ощупывал меня?
Нет, преданный некровым этим узам,
Я тихий свет предвижу впереди, —
Осмотрен всеми и никем не узнан,
Я в мир иной готовлюсь перейти...»
Был город жив – без слова и без жеста,
Одним накалом бьющихся огней. —
«О Ты, навек оставивший блаженство
Для боли крестной! Снизойди ко мне.
Я по любви тоскую в веке темном,
А Ты на смерть сошел с крутых высот.
Услышь того, кто в городе бездомном,
Тебя не зная, лишь Тобой живет!
В рогах драконьих, в камне гордых башен,
Ряды окон – лукавые уста...
Я не от мира: он мне чужд и страшен.
Я в детстве слышал о любви Христа...»
И вдруг, среди сверкания и жути,
Взбурлили воды в чаше восковой —
И он узрел пути и перепутья,
Увидел узел жизни вековой,
И, просиявши на заглохших тропах,

Взыграла речь невиданных зарниц:
Он слушал Свет – и тайны смертных сроков
Читал в раскрытых книгах встречных лиц.
В леса скорбей, в кустарник сердца дикий
Вошла любовь – и дымом вышел страх:
Он слушал Свет – и пел хвалу
Владыке На незнакомых миру языках.

1975

* * *

Все, что я вижу, есть Ты.
Но когда устает мое зреньё
Ткать – из ночей лучевых —
Жизни бескрайней лицо, —
Пестро в зрачках, и сады
Вижу. На них Ты распался,
Чтобы тем ближе сиял
Образ Твой прежний во мне.
Вновь собираю – и вот
Лик в забытии созерцаю...

Сгущенье

Даже сны без видений – гуще,
Чем октябрьский воздух гор,
Возвещающий и дающий
Мудрость – ветру, уму – простор.
Но его соберут морозы,
Как букет предрассветных астр,
И сгустятся в душе вопросы,
Превратив ее в алебастр.
И – хрустальной свободы линза —
Этот воздух, зимой дарим,
Будет пристальным зреньем признан,
Созерцаем, как царь долин.
И покроет любые сани,
И заслонит любую щель. —
Овевавший лицо, он встанет
Цитаделью вокруг вещей.

1975

Поэты

Я увидел – в разных странах
На бинтах бумаги – перья,
Как пинцеты в чистых ранах,
А слова, являясь, пели —
Альт, и тенор, и сопрано —
В кабинете, в зале, в келье.

Я увидел, как, раскинув
Сотни пальцев музыкальных
По больной клавиатуре,
Свет лечил друзей опальных —
И, сойдя, лежал на спинах,
На ковре, соломе, стуле...

1975

Варшавский цадик

На самой дальней из окраин,
Где год великим шел постом
И мор садился, как хозяин,
При редкой трапезе за стол, —
Служил у мельника Иосиф.
Порой, мешок с мукою сбросив
Средь поля с неокрепших плеч,
В страданиях слуха не утратив,
Он видел Ангелов-собратьев
И слышал сбивчивую речь:
«Поют, скрипя, дверные петли,
Светильник полдня не погас.
Ступай за нами – и не медли
От смерти спрятаться средь нас!
Пока, голодный, по морозцу
Бежишь – и близится метель,

Твой Сад Заброшенный разросся,
С тобой свиданья захотел...»
Он отвечал: «Я грохот слышу
Солдат-губителей. Все ближе
И неизбежней с каждым днем
Сестер и братьев избиенье.
Народ! – скажу я. – Внемли пенью
И засели нездешний дом!..
Я приурочен к злему часу,
И если в страхе отступлю, —
Какие волны хлынут сразу?
Кого из вас я утоплю?
Творенье длится. Если сброшу
Мешок судьбы средь бела дня, —
Один из вас поднимет ношу,
Его пошлют сменить меня!»
...И светлый сонм, охвачен дрожью,
Бежал, как искры от огня...

1975

Чтение книг

О, чтение книг – немое построенье
Заиндеветших замков изо льда...
И неприметно улицы старенье,
И то, что шаг затверженный солдат

Стал неуверенней, и то, что вовсе
Исчез сосед, как слово из стиха,
А годы разбредаются, как овцы,
В твоём лице утратив пастуха,-

Ты не заметишь, строя лучевые
Кварталы зданий, гаснувших тотчас.
Но выйдешь вдруг на улицы живые —
Занять у них дыханья, истощась,-

И встанет ель в дверях, как хмурый леший,
И, распахнув бесшумную метель,
Войдешь в кирпичный город, побелевший
От снегопада множества смертей.
1975

Поэты

<Из цикла>

<1> Кольридж

Внезапно расцветает море,
Обвито зарослями рук,
Вздываясь в бунте и крамоле,
И над водою дышит Дух.

И в отрешенном ранге флотском
Пред Небом шкипер предстоит,
И завещанье пишет лоцман
Для развлечения Нереид.
И слышен шторма взмах последний:
Над вознесенною волной,
Над шлемом бурь, на самом гребне
Сразился Ангел с сатаной!

1976

<2> Гете

Быть в сумраке – светом
И тьмой – поутру,
В метели – раздетым,
Одетым – в жару,
На Западе – шахом,
А в бездне – летать
И каверзным взмахом
Пространства взметать...
Творить – и лениться.
Мелькнет эполет —
Учтиво склониться,
И плюнуть вослед!

1976

<3> Низами

В светлейших долинах лежал твой удел,
Но сам ты в один из семи
Тех дней невечерних слететь захотел,
Как лист, и ослепнуть с людьми.
Ты вышел, покинув бессмертный простор,
Гремя золотыми дверьми,
Вослед не послышался окрик: «Постой!» —
С небес безразличных семи.
Но, если стыдишься стать братом вещам,
Мое увещанье прими:
Я Родину Душ по ночам посещал, —
И ты посети с Низами!

1976

<4> Петефи

Зеркальное застывшее пространство,
Родные колосящиеся степи,
Вода и свет, обнявшиеся страстно, —
Свежа, недвижна родина Петефи.
Но, недруг сердца и мечты союзник, —
Душой кляни, а языком приветствуй, —

Со свитой чисел, офицеров грузных,
Шагает Время мимо строя бедствий,
И говорит: «Я честью заклинаю, —
Исполни долг, а после славы требуй, —
Верни всю кровь бурлящему Дунаю,
А весь порыв – безоблачному небу!»

1976

Улица будущего

В начале – тихий дом, и здесь
Живут герои Ариосто:
С них смерть навеки сбила спесь,
У них бесхитростно и просто
Цветет блаженство на лице.
А близ провала – там, в конце —
Есть особняк героев Кафки,
И каждый мыслит: «Как я цел
Остался средь вселенской давки?...»
– И не решит никто задачи...
...На протяжень мостовой —
От Дома смеха к Дому плача —
Подземный мерный пульс живой,
И крови полная отдача
И поит, и во всей красе
Сырую землю содрогает...

С тем сердцем, словно Одиссей
С сиренами, мой слух играет.

1976

* * *

Был мальчиком кудлатым,
И у корней, где мох,
Как рядом с тайным кладом,
Стоять часами мог:
Там муравьи копали,
Фундамент возводя,
И маленькие пальмы
Лоснились от дождя.
И жил народ любезный
В стране лесов и вилл,
А он, как дух небесный,
Над нею волен был.
Но мальчик стал подростком —
И ощутил, скорбя,
В садах, под корнем скользким,
В такой стране – себя.
И только много позже,
Покинув путь кривой,
Внезапно понял с дрожью,
Кто смотрит на него.

Балкон

Внезапною зарею ранней
Разбужен мальчик.
Он взволнован
Цветным сверканием собраний
И бесконечно звездным, новым,
Слепящим небом.
Там, над домом,
Все ожило – и смотрят люди
Вслед лицам, некогда знакомым,
И взглядам, гаснущим в салюте.
И на балконе замер мальчик:
Под ним – в сибирский лес длиною —
В обрядовых застыла плачах
Толпа зарезанных войною.
Но вдруг – среди мертвых – вдох и выдох:
Из них один стоит всех выше,
Один из некогда убитых
Над городом внезапно дышит...
И понял он, что без порезов
Прожитых жизнью – жив не будешь,
Что прошлое не схватишь трезво,
И только опрометью – скрутишь.

1976

* * *

В солнце птицы стреляли, как в цель,
Затащив беззащитное за реку.
Вдруг – дыханье Его на лице:
Я горел. Он держал меня за руку.
В торопливой, толпливой воде
Он не дал, по наитью единому,
Обезмолвиться в мире людей,
Стрекотать средь полей по-звериному.
Но и зрячим поет поводырь,
И прозренья надежное дарит нам —
Ярче сада, бурливей воды,
И заката священной и памятной.

1976

* * *

Красота безропотна. На всем —
Отпечаток боли и терпенья.
Поле, заселенное овсом,

Готика куста, чертог репейный —
Не ответят, если запоешь.
И молчанием неразделенным
Все полно. А сожаленье — ложь,
Словно плач царя над разоренным,
Поступь дыма по овражным склонам,
И умершим — долгожданный дождь...

1976

* * *

Сколько листьев! Сколько душ,
Вырванных из тела,
Взелениться в эту глушь,
Прорасти успело!
Сколько плача в городах,
На ветвях — рождений,
Из подвала на чердак —
Сколько восхождений!
Сколько судеб, сколько доль
В узенькую дольку
Обратил лесной король, —
Сколько листьев! Сколько...

1976

Позднее

Все волненья обмелели,
Забывается недавнее.
Словно постоялец в теле,
Суеюй душа не сдавлена.
Думал: в ум стучится гибель,
Это лето – не во сне ж его
Мир летящий залпом выпил,
Чтобы стать снежнее снежного?
Расцветали, опадали,
Созревали, чтобы выстелить
Путь белеющих сандалий,
Проложить смертями чистыми —
Тем, сходящим свыше, тропы,
Чьи ступни не свыклись с трением,
И они прошлись для пробы
По снежинкам, как по терниям,
И поют: «Мы тоже снимем
Угол с высохшими розами
В помещенье этом зимнем
С облетевшими вопросами...»

Снова лампа зажжена,
Ждешь любви и сил прилива,
Как в родные времена —
Под ночной немой оливой,
Где лампада боязливо
Гасла с приближеньем сна.
Это ты? А если нет —
Отчего же так похожи
Мысли грушевая кожа,
Чувства персиковый цвет?
Почему приходит то же
Слово через сотни лет?
Это ты? А если да —
Я люблю тебя, как раньше,
И меня твой стих звенящий
Увлекает, как вода,
Сквозь смертельных бедствий чащи —
Вот на этот луч, сюда.

III. Из книги «Осенний поезд» (1977 – 1980)

Ночная Польша

Там встречный – в сутане
Иль форме парадной,
На санках катанье
С горы безвозвратной,
В беззвездную полость
Нависшего рва
Бил утренний колос —
И день созревал.
Но ищешь иное —
И видишь лишь ночи,
Где лист жестяной
Февралем исколочен,
Где будущих пагуб
(Горят адреса) —
Что зреющих ягод
В июльских лесах...
Идет – мостовой ли,
Белеющей кроной —
Творенье живое

Сквозь мир похоронный,
И в этой фигуре
Меж тлеющих лип —
Не двери, а бури
Замкнувшейся – скрип.
Соборно и твердо
Лицо, словно город —
Старинного рода
Последний аккорд.
О Вы, незнакомка
Во мраке до пят,
Безжалостно-громко
В Ваш дом постучат.
Там жертвенный опыт
Пьешь уксусом с губки,
Там ангелов шепот,
Хрустальные кубки
Для крови... Ты помнишь? —
Рожденья звезда.
И польская полночь
Возносит *туда...*

1977

* * *

Ищет галка оттаявший грош,

Свищет поле на сотни ладов,
Города окунаются в дождь,
Очищаются от холодов,
Скоро снова меня поведешь
По дороге без слов и следов...
И китайских садов фонари —
Сизари за окном у меня,
Но зажги свой закат, говори
На заре уходящего дня,
Потому что горит изнутри —
И грозит распаяться броня.

1977

Новоспасский монастырь

О самый овраг спотыкались дома —
Причудливые сосуды печали,
Зарей закупоренные дотемна,
И гордые тучи ландшафт венчали.
И он – почерневший за зиму сосуд,
Наполненный винной виной предчувствий,
Воочию видел: его несут
Распить – и разбить в одичалом хрусте
Кустов придорожных и слов сухих,
Какими обменивается прохожий
Со встречным случайным.

Он чувствовал кожей
Древесно-шершавую сухость их.
Темнело, и тучи слетались на пир,
А он на лукавый проулок с опаской Косился.
Тогда Монастырь Новоспасский
Проулок и позднее небо скрепил.
...Есть странное место пред Монастырем —
Поляна с деревьями грозно-густыми,
Завалена углем и всяким старьем, —
Поляна людей, забывающих имя.
Здесь утром пируют под каждым кустом,
А к вечеру многие спать остаются,
И галки на выцветшем зданье святом
Сквозь дождь еле слышный над ними смеются.
Задушенный проводом, спит Монастырь,
И в памяти слов распадаются звенья,
И тенью выходит звонарь на пустырь —
На полный до края обид и забвенья.
...Ион тут сидел, забываясь, лечась,
И пил эту смесь униженья и боли,
И было страданье его – только часть
Огромной, как небо, всеобщей недоли.
И вдруг он увидел старушек – они
Одна у другой отнимали бутылки,
Валявшиеся, куда ни взгляни,
Ругаясь до самозабвения пылко.
И все же прервать не могли тишины:
Крутой колокольни колонки и дверцы —
Как тайна безропотно-нищей страны,

До дня отомщенья хранимая в сердце.
И день воссиял. Он поднялся – и шел,
Проулком, землею и небом довольный.
Был издали виден ему хорошо
Сверкавший на башне рассвет колокольный.

1977

* * *

В безродный ум, закрытый наглухо,
С попутным воздухом, нечаянно,
Ворвутся луговые запахи —
И память отомкнут начальную,
И детство шаткое раздвинется,
И век слепой, и пост коричневый,
И строй тревожных башен Вильнюса,
И смерть сырая и фабричная.
И звезд смешенье. И рождение
В стране, где ясьень – словно заговор.
Мысль умерла. И только тень ее
Древесными цветет зигзагами.
Себе я выберу в товарищи
Во тьму вещающего Одина —
И пряный запах, раскрывающий
Безмерный мир, в порыве пройденный.

1978

* * *

Сложившись вдвое, птицы *падали*,
Теряя слух, теряя вес,
В твою расколотую надвое
Тарелку свадебных небес.
Мой взгляд следил крушений крошево,
Набеги океанских орд
На город черный, властно брошенный
Ветрами смут на смертный одр.
Морской народ, звеня колючками,
С червонных чащ сдирал кору.
С далеких звезд сходили лучники —
Двенадцать братьев на пиру.

1978

Свет из окон

<Из цикла>

<1>

...И время, пойманное в клетку
Просветов меж ветвей древесных,
Поет по-грустному и редко
Обрывки песен неизвестных, —
То звуков разноречье зимних,
То жарких листьев стрекотанье,
То память в непробудных ливнях
Бежит от перезревшей тайны.
Но влажный вкус ее малинный
И вспоминается, и манит,
И возвращаешься с Неглинной —
Насквозь – вечерними домами,
А в них стирают и рисуют,
Растят детей и орхидеи,
И видят улицу косую
Из окон древней Иудеи.
А ты идешь – тебя не знают
Ни зеркала, ни коридоры,
Но время – лестница сквозная
В наш мир высокий и бредовый.
Ты – в нем опять. И только сзади —
Обрывки скорбных разговоров,
И вздохов чистые тетради,
И страха бархатного ворох.
Двор. Дерево едино и темно —
Нерасчлененный хор, в нем каждый лист – как птица.
Но зажжены огни – уже пришли за мной,
Мне в прошлое пора к ушедшим воротиться.
У вас темно дышать, а я хотел пройтись,

Здесь окна вечеров объемны, словно клетки,
В них Дерево Добра рассыпалось на птиц,
И каждая поет – одна на целом свете.
Не смели подойти, росли вдали, как дым,
Но, подкатив звезду, в ней замерли. —
Я еду! Там затихает плач.
Там с будущим одним,
Как с братом по утрам, о снах ведешь беседу.

1977

<3> **Голос Иакова**

И ты во сне бежал – и двинуться не мог,
Как загнанный олень, запутавшийся в чаще.
Кровавый пот секунд, сочившийся на мох,
Был поднесен тебе в твоей горчайшей чаше.
Пригубил ты – и лег. И в этот самый миг
Звучащие тела мелькнули меж стволами —
И все заполнил свет. И он вмещался в них,
Но был превыше их, как лик в картинной раме.
И ты забыл про смерть. Под греблю грубых рук,
Сияя, голос плыл. Ты вспомнил, как Ревекка
С корицей пряною смешала горький лук,
Уча Иакова. Тебе открылись вдруг
Безумье, нищета и слава человека.

<4>

Я в беспокойстве, но найду покой,
Едва лицо твое вблизи увижу,
Иль в трех шагах, иль даже за рекой,
Иль пусть во сне, но мне хотелось – ближе...
Я безнадежен. Но надежда есть —
Что смертный слух слова твои уловит,
Иль о тебе дойдет глухая весть,
Иль тень ее коснется изголовья.
Я умираю. Но еще живу
Лишь запахом, почти неуловимым,
Твоих волос, упавших на траву,
Тянущуюся к нисходящим ивам.

Святой Себастьян

С растущими крыльями белыми —
И сам, словно птица, бел —
Висит, оперенный стрелами,
Мишенью для новых стрел.
...И глина с тяжелым телом Сохнет.
А что ему? – Весь белый.

Такому белому Уже не упасть во тьму.
Такому – не оступиться...
И ночь земли напролет
Под черным куполом птица
О муках любви поет...

1977

* * *

Это было незадолго перед смертью:
Осень сыпала секунды, словно гравий,
Пах бульвар позеленевшей медью,
Были сны яснее всякой яви.
Тротуары становились шире
От цветов – никто не думал брать их,
Слишком неестественно спешили
Модницы в чрезмерно длинных платьях.
Он, сквозь переулки, как сквозь пальцы,
Просыпаясь в бытие иное,
Непривычно часто оступался,
Чей-то взгляд почувствовав спиною...
...Город, словно сонный глаз, слипался...

1977

Квартира

У входа, на вешалке – судьбы
Пестреют одна на другой:
Их Время, как тяжкие шубы,
Развешало спешной рукой.
И дверь отворится с одышкой,
И длинной передней пройдешь:
За стенкой – лепной, как ледышка —
Забывших событий галдеж.
И в жизнь, как в сонату сквозную,
Войдешь, отряхая миры,
И сразу возможность иную
Узором откроют ковры.
Усадят – и, как ни упорствуй,
А взгляд допьяна напоят...
Здесь наше свершалось знакомство
И полдни, и ночи подряд,
Бессонницей противоречий
Кормили за этим столом,
Здесь были нежданные встречи
И свечи величья в былом,
Провиденье зимних пожаров
В горенье июльских рябин,
Того, как незнающий жалок
И как познающий любим,

Как, слухом больным налитая,
Отчаянья плещет река,
Как вихрем любовь, налетая,
Уносит лицо в облака.
...В конце этой комнаты, слева,
Окно безвозвратность таит —
В нем, словно осенняя дева,
Пречистое Небо стоит.

1977

* * *

Касаясь пыльной дремы жалом,
Скитанья и греха образчик,
Змея дороги над вокзалом
Висела – на ладонь от спящих.
Сквозь сон смеясь, цыган провидел
Столиц горящие палатки.
Спал мира изгнанный правитель
В шинели Каина на лавке...

1977

Неизбежное

Нежданно и негаданно – лицом
Подобный небу, зеркалу, потоку,
Вместивший лет моих лучистый сонм
В зрачках, горящих грустно и глубоко,
Пришел мой гость. Судьба свилась кольцом,
Сочился в детство смертный холод Срока...
Но свыше сил был солон этот сон,
И я бродил, проснувшись, одиноко...

1977

Моммендор

В сон распахнутые взоры...
Прорезается в глазах
Черный замок Моммендора —
Словно молнии зигзаг.
Входит смерть – и стебли косит:
Густо травы поросли,
Заслоняющие проседь
Моммендоровой скалы.
Соглядатаи – туманы
По крутой скале ползут,

Кони в сумерках неожиданно
Гостя вещего везут,
И барон спешит навстречу,
И волненье улеглось, —
Но отрывисты их речи,
И не прямо смотрит гость.
Треск светилен, чад жаровен,
Тьмы высокий потолок...
Грозен взгляд, и путь не ровен,
И слова диктует рок.
Все ушли – лишь эти двое
Внемлют, царствуют и ждут —
И в безмолвные покои
Шаткой лестницей идут.
Только полнит коридоры
Сада мертвенная тишь.
Не забудешь Моммендора,
Как судьбу не победишь.
Медной застынь стеной,
Вихрем ли закружись,
Ты – навсегда со мной,
Ближе, чем к смерти – жизнь.
Горе, коль захочу
Вырваться и уйти...
Ближе, чем свет – к лучу,
Ближе, чем цель – к пути.
В искрометанье крон
И в глубине камней —
Ближе, чем к яви – сон,

Ближе, чем ты – ко мне.

1977

Каталог гор и морей

<Из цикла>

<1>

...В шуршащем краю, словно шарик бумажный –
Китай —

Когда-то и ты тонкорунно-игрушечным сделан.

Забытые дали, и небо, и воду читай:

Черны начертанья, но главное сказано – белым.

И смотрит рыбак, позабыв про стеклянный улов,

Про берег соломенный, краткую жизнь без открытий,

Как странная рыба со множеством глаз и голов

Волну будоражит – и вдруг застывает в нефрите...

1978

В суме дорожной хвою спрячь —

Излечишься от хвори,

В печаль – добавь свиный плач

С надеждой луговой.

Болезни тела и души,

Племен дурной обычай

Излечит собранный в кувшин
Сладчайший голос птичий.
Целебна жизнь.
Раскрыв ларец,
Дыханье трав измерьте.
Целебна смерть.
Скажи, мудрец:
Когда и сколько – смерти?...

1978

В парке

Темно, и печаль клубится,
И так фонари зажгли,
Как может самоубийца
В последний момент влюбиться —
И выскользнуть из петли...
Они протянули свет свой —
Соломинкой над волной.
Забытых друзей приветствуй!
С обеих сторон – как в детстве —
Влюбленность и страх сквозной.
А кто впереди? Быть может,
И ты? Ведь прошло по коже
Предчувствие – как во сне?
Заря... Но бледнее мела,

И трепетно и несмело
Взошла она... Что же с ней?...

1977

Баллада

Всадник сорвался с кручи,
С лошадыю вместе – в ад.
Люди ничуть не лучше —
Сверху, крестясь, глядят.
Криками их играет
Призрачная рука,
Вздохи их собирает
В перистые облака.
Коршун парит, их тени
Крыльями перечеркнув,
Острым углом падений
Хищный повернут клюв.
Только на отзвук темный,
Общей страшась вины,
Каждый, себя не помня,
Смотрит со стороны.
Встанет от снов отрадных,
Вспомнит – и возопит...
Горный побит виноградник,
Капли стучат копыт.

1978

Воспоминание

... В этом веке вязком
Не расправишь плечи —
В городке славянском,
В западном наречье,
Не раздвинешь ветви
В говор проливной.
Оглянешься – дети
Выросли давно...
Не родились. Рано.
Крепче спи, услышав
Сквозь возню тумана
В черепичных крышах,
Как, покинув Краков
После слез и драк,
В свете звездных знаков
Едет Яков Франк...
Душно ночью длинной.
Не родились дети.
До резни безвинной —
Полтора столетья.
Смяты крылья Франка.
Гаснет звук речей. —

Нет крыла. Есть ранка
На твоём плече.
Просветляются дали.
Вспыхнут птичьи хоры.
Звезды, что упали —
Воплотятся вскоре.
Не тебе ль навстречу
Пыль колес вилась? —
Не расправишь плечи.
Не раскроешь глаз...

1978

* * *

Был воздух бездомен и колок,
Металась в сомненье щепя,
Как белый козленок, поселок
Нависшие тучи щипал.
Пути разводили нелепо
Руками, скрываясь из глаз,
И в сердце печальное лето
Вонзалось, блестя как игла.
Но если забудется ворох
Сухих, и несмятый в горсти, —
То вспомни глаза, от которых
Ты страха не мог отвести...

1978

Скрытый город

<Из цикла>

<1>

Дня волнение стрекотало,
Птицей пело на виске,
Только в теплый час и талый,
Утешая мир усталый,
Вечер вызвали к доске.
Ученик любимый, лучший,
Он схватил обломок мысли,
И обломком, словно мелом,
Рисовал Луну на круче,
Но ее стирали тучи —
И вопросом тяжким висли:
«Где ответ? Луна – вранье!»
– И движением несмелым
Он опять чертил ее...
В час, когда элите звездной,
Просветленнейшей элите,
Хорошо гордиться сверху
Сквозь пенсне и сквозь лорнет, —
Надо вдруг из дома выйти

В мир шагающих наитий,
В мир непоправимо-поздний,
Где на страх ответа нет.

1978

* * *

...Ночь глаза наводит рачьи.
Только так, и не иначе
Разум сонный и незрячий
Начинает видеть свет —
Не надеясь на удачу,
За улыбкой слезы пряча
На пологом склоне лет
Старой улицы. Тем паче,
Что в конце ее маячит
То ли куст, то ли ответ.
...В стороне, во тьме Заречной,
В переулке каждый встречный —
Неразгаданный секрет.

1978

... Человек с нависшими бровями,
С непреклонным, орлим взглядом курда,
Как мы в полночь повстречались с Вами?
Вы с Луны? С Юпитера? Откуда?
Как мы жили – за четыре дома,
Под светилом, гаснущим в испуге,
Как мы жили – глухо, незнакомо,
Не догадываясь друг о друге?
Может быть, звезда волненье выдаст,
Взгляд метнув из-под бровей нависших?
Или мы опять слетим, не свидясь,
Прямо в пропасть со ступеней высших —
И увидим, падая: дорогу
Мертвыми устлали соловьями.
Кто глядит – без гнева и упрека,
Звездным светом нас благословляя?...

1978

Гроза

Гроза подходила – негромко,
Но пристально и деловито,

На слух разнимая в потемках,
Что смешано и перевито.
Садовник, среди сумерек поздних
Вошедший проветрить аллею,
Твой взгляд задержался на розах,
Запахнувших, благоговей.
Постой же еще хоть минуту,
Окинь меня взглядом хозяйским,
И душную, плотную смуту
Сними – по привычке, без ласки,
Как ветку, повисшую круто...

1978

* * *

Сегодня царский день.
Со щедростью монарха
Рассыпан блеск и шум.
И Вечность у реки
Стоит, облокотясь: она видна сквозь арку,
И зайчиков на рябь кидает кругляки.
И нищий у моста вдруг получает титул
Властителя земли: мир создан для него...
Ты помнишь этот день? —
Он редкий посетитель,
Он к детству возведет по скорби винтовой.

И с колокольни сна, и с чердака косого,
С Амуровой стрелы средь башенных часов —
Взгляни на город слез, услышь немое слово,
Узнай свое лицо – и отзовись на зов...

1978

Призыв

Покуда солнце не зашло
Над потрясенной головой,
Пока наречия крыло
Не преломилось в полевой
Стране – вне сроков и границ,
Пока дыхание золой
Вверх не взметнулось, – бросься ниц,
И страх рокошующий омой
Слезами страсти. – Пусть, пройдя
Предсердий путь, сквозь дверь зрачка
Плеснет кричащая вода, —
Так ждет гроза себя самой,
Так видишь мать издалека.
О, пусть пространства захлестнет,
Прельстив миры, вобрав миры,
Неся янтарь, медузы, йод...
И – вспять, как свертывать ковры
Привык услужливый швейцар.

И пусть они в тебе живут,
Из твоего светясь лица!..
О – сколько ищут, ждут, зовут
Твоих бескрылых, спящих век —
Все копыеносцы злых лесов,
Все латники латунных рек!..
О, ты, замкнувший на засов
Две створки золотых ворот —
Добро и зло!.. Тебя зовет
Огонь – твой брат, как ты, велик.
Он память прошлого изгрыз,
Он будущее пепелит...
Но отзовись – и загорись!
С крутого Храма – бросься вниз!
Ты знаешь, как, услышав «нет», —
В поток бросаются с моста,
И бездна заполняет свет
И разевает пасть, пуста?
О, не раздумывай! Ты – мост
От грусти птиц до дальних звезд!..
Но цепь сознания не порви,
Сновидец, не устань смотреть, —
О ты, лишаящий любви,
Ты, обрекающий на смерть!..

Театр

Как секунды очерствели!
Пусть раздвинутся в веселье
Рукоплещущей волной —
Мне тебя сыграть дано!
Мы пришли сюда из рая,
Отражаясь и играя,
И шуршит безумья шелк:
Кто искал – и не нашел?
Взвейся, занавес шуршащий,
На миру погибель слаще,
Мы из рая – и назад...
Отразись в моих глазах!
Как молчим непоправимо.
Мяли травы Херувимы,
Умирая день за днем...
Ближе... Ближе... Соскользнем...
На Фавор спеша подняться,
Чтобы с Вечностью обняться,
Воскресать и умирать,
Отражаться и играть!
Как столетья ни громоздки,
Но они легки – подмости
Человеческих зеркал.
Кто нашел – и не искал?...

1978

* * *

У книг в многоцветном и вольном плену,
Почувствовав сумрак и сырость,
Ты встал – и в оконную тьму заглянул,
Но будущее не открылось:
Страх тихо стекал по стеклу, словно клей,
Судьбы заполняя бездонность,
Но множество книг отразилось в стекле,
И дождь заслонив, и бездонность.

1978

Не Кельна зубцы, не мечети Алеппо,
Не солнца колонны, где Данте скорбел,
Но город – кусок ноздреватого хлеба,
Ты – люлька, надгробье, опять – колыбель...
Не в силах исчезнуть и сбыться не в силах,
Твой мир барабанный и громок, и пуст —
Так ведьма тебя на костях замесила,
И вжился январь в перемолотый хруст.
Ты рухнул – как лист на попружье колесам,
Грядущее время успевший проспять...
Проходим вдвоем по мостам безголосым.

Ты жив только нами, поющими вспять.

1978

* * *

Ловила скитальцев далекая Вена
Стремглавьем небес – наподобье сачка.
Порхал мотылек, по-дневному надменный, —
Подвижная точка над «и» стебелька.
И самые чуткие слышали: сумрак
Густел, как Иисус ни старался Навин...
И молча глядели в бассейнах и Луврах
Печальные антики с телом живым.

1978

Перед резней

Что же нас тянет остаться в Стамбуле?
– Розовый куст призывной.
Это звезда, недоступная пуле,
Взглядом следит за мной.
Что окликает нас чаще и чаще?
– Разве глухая сирень.

Это монах, в наши души смотрящий,
Не вставая с колен.
Только жасмин сновиденьем продлится...
Что не дает уцелеть?
– Это к тебе обращенные лица
Горьких прожитых лет.

1978

* * *

В широкой лодке перевозчик мертвых
Везет сегодня одного меня,
И желтый берег в шестигранных сотах
Прошедшим пахнет, сладостью маня.
Ужели, тело, ты – ладья Харона,
И грустный ум плывет не первый год
Вдоль берегов всемирного урона,
В блаженной смерти одинок и горд,
И все, кого я ненадолго встретил,
Игрой тумана были на воде,
И шепчет старец: «Нам не нужен третий,
Мы и вдвоем – повсюду и нигде...»

1978

Мифы

<1> Нарцисс

Как тот цветок и отраженье страсти
В невозмутимом озере зрачка...
Как свет, упавший в зеркало с обрыва,
Свое лицо в воде разъял на части, —
Так мудрецы, державы и века
Запомнили безумца взгляд счастливый,
И трепет в предвкушенье высшей власти —
И гордую улыбку Двойника!..

1978

<2> Гиацинт

...Гремящим ударом диска
Созвездья сдвинуты с мест,
И небо чрезмерно близко —
В осколках лежит окрест.
И я, истекая кровью,
Склоняясь душой к ручью,
Невиданной, нежной новью
Из крови своей встаю.

До нашей встречи, Аполлон,
Во времени бездомном
Я замутненным был стеклом
И сомкнутым бутоном.
И я молил тебя: «Согрей!» —
И вокруг луча обвился,
А ты учил меня игре,
Чей строй превыше смысла,
И ты глядел с пустых высот,
Мой обрывая выдох, —
Так смотрят пчелы, чуя сок
В цветах полураскрытых...

1979

Сильфиды

С овцами, как при Лаване,
Утром гуляет облако,
И не поймет никак
Мальчик: зачем подолгу
Скрываются те созданья,
Что длят плодов созреванье
В бесплотных и крепких руках?
Вроде бы – спрятаться негде,
Пусто, деревьев мало,
А за небесной твердью

Скрываться им не пристало, —
Ведь на одних Сильфидах,
На их бытии высоком,
Явленной жизни круг
Держится – вдох и выдох,
И наливаются соком
Яблоки на ветру.
Вдруг – откровенье, оклик...
После сомнений долгих
Он на призыв идет...
Там, во дворце высоком,
Воздух подобен сотам,
Зренья густеет мед...

1978

Осенний поезд

А когда подымается дым
После каждого слова,
И вокруг, словно смерть, недвижим
Хмурый воздух соловый,
Непослушными пальцами мысль
Не удержишь – уронишь...
О, зачем ты столетьями тонешь?
Хоть сегодня – очнись!
Если холод иглою прошил

Загустевшее сердце,
Если в небе давно – ни души,
Если некуда деться,
Кроме этой звезды земляной,
Лубяной, заскорузлой,
Если судеб не рубится узел, —
Хоть не плачь надо мной.
Мир сгущенья и таянья.
Мир Той любви неоткрытой,
Для которой и рай был не мил,
От которой защиты
Нет во тьме гробовой, и нельзя
До конца расквитаться.
У одра холодеющих станций —
Загляни мне в глаза.

1978

* * *

...Еще живем. Еще таим подробность —
Песчинку мига – от морской волны,
В которой все нежившие равны.
Еще бежим от родины в безродность.
...Ты помнишь, как на набережной той
Переходили вещи в отраженья,
И наши лица чувствовали жженье

Души миров – как солнце золотой?
Тогда, взлетев, оттаяли слова
И закружились над спящей гладью...
Того божественного полдня ради —
Завесы снов со смерти не срывай.

1978

На льду

Среди толпы несметной
Снежинок и людей —
Живи с душой бессмертной
В ликующей беде.
В кругу деревьев спящих —
О, как бессонно мне
Среди аллей погасших,
Но светлых при луне,
Чей луч немой и вечный
На сотни лиц дробим, —
В стране, где первый встречный,
Как первый снег, любим,
Где горький плач и шалость
Сошлись – играть в снежки,
Где все века смешались
В огнях Москвы-реки...

Монолог

...Вы все молчите, но молчанье это
Мне тяжело и как-то непривычно...
Вы не забыли – черный на рассвете
И золотой под вечер, черепичный
Спокойный город – безмятежный Рим,
Погибший в полдень от землетрясения?
Забыли?... Ну – тогда поговорим
Об улице, блуждавшей в тьме весенней,
Как мальчик меж сиреневых кустов...
Бывало, не успеет миновать
Одна весна – за нею сразу сто...
Вы знаете? Над улицею той
Давно отяготел сгущенный холод,
И некому ее отогревать —
Уж тридцать лет над ней стоит зима...
Как, Вы ее не помните?...
А двор В зеленых птицах и знакомых лицах
Старух, прохожих, столбиков, камней,
Где пели, словно первый раз на свете,
И наряжали к свадьбе жениха?
Молчите? А старинный тихий дом —
Скрипели двери, времена нищали,
Жильцы, старея и сходя с ума,

Вас яблочным вареньем угощали,
И запах длился, как крадется тьма?...
Что ж – Ваша память отрясла их прах
От ног своих, спешащих к забвению?...
Но комнату в разбитых зеркалах Вы помните?
Любимую свою У белого окна, в последний час?
Как в этот миг она была все та же,
И как она за все прощала Вас,
И ласково твердила имя Ваше?...
Нет, вижу я – Вы потеряли все:
Ее, себя... И все же пред осколком
Зеркальным – в той же комнате, как сон,
Стоите Вы... И простоите долго...
Но дом, и двор, и город золотой
Нежданно потеряли отношенье
К тому лицу... К душе погибшей той...
Как в темном небе – гасни, отраженья!..

1979

Йорик

Да, что уж говорить – прошло то время,
Когда на пир великого безумья
Сходились хвастуны и короли,
И сам Шекспир играл для них на дудке...
Настал последний, непробудный век.

И как ты в колокол всемирных взрывов
Ни бей, – тебе его не разбудить.
Майданек, полный Гамлетов.
На всех – Один безмолвствующий отчий призрак,
Идущий вспять у будущего с краю,
И всех к себе влекущий. – И они
В своем падении неразличимы...
Один из них, кто пишет эти строки,
Глядит в пустой прищур могильной ямы,
Как нищий сфинкс, обритый наголо.
– И со своею головой играет.

1979

Объяснение

Как дворам, по-будничному праздным,
Разгадать в столетии литом,
Что любил тебя всегда, но сразу
Не сказал... Что столько лет потом
Говорил с тобою – не словами,
Но прерывистым дыханьем звезд,
Но бушующими деревьями
В откровенные прорывы гроз,
Что зимою – зябликом случайным
Я стучался в мерзлое окно...
Да и то, что кажется молчаньем,

Было правдой до краев полно.

1979

Мухаммед

...Архангел говорил: «Читай!»
А он в ответ: «Я не учился
Срывать с небесного щита
Созвездий медленные числа.
Я знал: бегущий свиток лет
С той вязью встреч на белых веснах
Написан лишь затем, что вслед
Единственный читатель послан. —
Я знал: для одного меня
Вся каллиграфия печалей
На обороте Книги Дня
Луны выводится лучами.
Не бойся – я пойму и так: В
едь на скрещенье вен трепещет
Велений Божьих каждый знак.
Вскрой полумесяцем – захлещет!»

1979

Ангел

О возросший над самой крышей
Мой космический черенок,
Под которым созвездья рыщут
Городские, сбивая с ног,
О юродивый, о тишайший,
Протянувший десятки рук
Над несбыточной жизнью нашей,
Над большим фонарем разлук.
Беспечальный! В тебе не того ли
Слабоумного мальчика дух,
Что не знал ни тоски, ни боли
И ловил огоньки на льду?
Помню – вскладчину хоронили
Мы всем домом тебя год назад...
Не пустили. Не дали крылья.
Только долгий зеленый взгляд.

1979

Нищий-двойник

...О господин! Когда великий мрак
Падет на эту землю безвозвратно, —

Последним светом в черных зеркалах
Я отражу тебя тысячекратно.
Я стану песни отзвуком твоей,
Ответом средь всемирного молчанья,
Твоим воспоминаньем... О – поверь,
Поверь, что наша встреча не случайна!..
И ради тысяч непостижных лет,
Где мы неотличимы друг от друга, —
Поддай на бедность – и смотри мне вслед,
Пока следы на льду не слижет выюга.

1979

Полночь

На лесных, на темнеющих тропах
Я искал тебя в тайном июле,
В золотых и загадочных строфах
Тех поэтов, чьи судьбы минули,
На дорогах бездумья и неги,
Одиночества и забытья, —
С той минуты, как дали мне некий Облик.
В вечность отверстые веки.
С той поры, как себе я судья.
Там, где ночь пробуждает немая
Полустанков печальных сердца,
Где не спят, за тебя принимая

Заоконную ветку, скворца, —
Я искал тебя в каждом проулке,
В тех, кто за полночь сходит с перрона,
Кто не встретил на свете родных, —
В их шагах, неуверенно-гулких,
В их горчайшем дыханье неровном,
В блеске звезд, исходящем от них.
Я искал... Ты все ближе и ближе,
Соловьиный разносится свист.
Вижу кроны. Созвездия вижу.
На последнем пути – отзовись!

1979

Ты и я

Ты – источник времен и странствий.
Излученье. Ученье. Суть.
Я – вместилище слова, страсти.
Я – всемирной судьбы сосуд.
Как трепещет, горит пылинка
В безмятежном, крутом луче,
Так во мне Вифлеем и Треблинка
Вопрошают:– О чей ты? Чей?...
– Отраженье. Рожденье Лица.
Изначальной печали ручей.

Отелло

О город – лейтмотив
Крушения любви,
Где, ноги промолив
По щиколку в крови,
Я тенью прохожу
По площади немой,
И, не смолчав, дрожу
На звезд вопрос прямой!..
Венеция! Я сном, Ошибкой завлечен
В твой бесприютный дом,
Как сокрушенный челн,
Я только синь и хлеб
Хотел найти в тебе,
Но стал узлом судеб
В хрупчайшей той судьбе...
Во тьме велик душой,
А днем неуловим, —
О, сколько я, чужой,
Свершил, чтоб стать твоим!
Рукою черной – в явь
Из всех тянулся снов.
Но ты себе оставь
Кровавый мой улов!

1979

Школа

Я много раз пытался стать другим,
И все ж не одолел себя ни в чем.
Но дерево – великое, как гимн —
Зарю склоняло над моим плечом.
Оно учило скорби и хвале,
Как дирижер, покачивалась ветвь.
И я ни в чем себя не одолел —
Но в лучшей школе научился петь.
И с изумленьем вижу: я пою,
Меня встречает облака поклон,
Как грешника прощенного – в раю,
Над целым государством грозных крон!..

1979

Сын Ивана Грозного

Тоска возвышалась над ним, словно город,
Пехотою слуха осаждена
И конницей зренья штурмуема.

Но выкрик жезла был, как молния, короток —
И новая жизнь налегла, ледяная,
И больше слова ни к чему ему.
Так смерть подошла – ледяною Москвою,
Огромными башнями будущих эр,
Висящими вслух над соборами, —
Москвой, на столетья прохваченной хворью —
Насквозь. Как отцовский тот, пепельно-серый,
Взгляд, что водой голубой ему
Струился сыздетства...
Но голос сожжен до конца,
Наследное выбрав имя
В том теле: он тезка безумца-отца,
И в смерти безумен не менее...

1979

Добро и зло

Безумно красочный, и все же
Такой привычный день земной...
Как это все похоже, Боже,
На дождь грибной, на сон цветной!
Всю нашу жизнь – в частях и в целом —
Нарисовал ребенок мелом
На солнцем залитой стене.
– И на рисунок, между делом,

Упало несколько теней...

1979

Из окна

Тот же старый тихий двор.
Но какую скорбью дышат
Ветви в летней темноте.
И насколько небо выше,
Повзрослевшее с тех пор...
Да и жители – не те,
Да и где ж они – в потемках,
В шебуршанье веток тонких,
В небытьи обид и ссор?...
...Как судьба, на крыльях ломких
Мотылек в окно влетел...

1979

* * *

На свете грустно.
Этот выбор поздний
Дарю тебе, как сорванный цветок.

Земля и небо предаются розни,
Как наслажденью.
Есть ли где серьезней
Всемирной философии итог?
Мне кажется, мы час от часу ближе —
Полслова не сказавшие за жизнь,
Накрытые во сне листвою рыжей.
Вот, я дарю тебе печаль – возьми же,
Зачем звездой предутренней дрожишь?...

1979

Е. С.

...*Во* тьме всемирного испуга,
В наш век кичливый и больной —
О, что мы примем друг от друга
Под Сулеймановой луной?
– Тоску Лейли. И свет Меджнуна.
Начало зренья. Тайну тайн...
А землю в адские кануны
Знакомит с небом «Эйр лайн»...

1979

* * *

В песчаном подсознании роясь,
Пластов земных взрывая повесть,
Мы вспоминали неспроста,
Что жизни знак – летящий поезд,
А вслед за нею – пустота.
Мы знали умиранье речи,
Мы знали дрожь последней встречи
С любимым, что не любит нас,
Нам лапы жизнь клала на плечи
С холодным блеском львиных глаз,
И гневных гор горчили глыбы...
О, видеть Ангелов! Они бы
На райских пели нам пирах.
Но мы опять снимали нимбы —
И шли, как нищие, во мрак.

1979

* * *

Я – живой, но и осень – живая:
Кто кого из нас переживет?
Дни все новые в круг зазывая,

Водит прошлое свой хоровод.
Ни листа, ни зеленого неба
Не осталось. На тучах – печать
Отчуждения и сна. И не мне бы
За скудеющий свет отвечать...

1979

Братьям

Небом вспененным одеты,
Безутешные, как дети, —
Сумасшедшие поэты
Сумасшедшего столетья!
Песнопевцы вен бурлящих,
Вскрытой страсти водопадов,
Меж ветвей телесной чащи
Густолистных – смерть не спрятав,
Как богов, разбив каноны
Ради тайны непостижной, —
Убегаете... За вами —
Века злобного погоня,
Ваши лица – дальше, тише, —
Мрак. Не передать словами...

1979

Возвращенье домой

Хвойный вечер утешенья и защиты,
Небо душу облекло – огромный плед,
Деревянная калитка в сад сокрытый,
Жизнь трепещет, как в листве фонарный свет.
Вот я снова здесь.

Я возвращаю Слово,
В детстве сумеречном взятое в залог.
Слышу, как в другой стране рыдают вдовы,
Как, смеясь, растет в дверях чертополох.
Я хотел в столетье этом не собою,
Но несчетными рожденьями прожить.
Ночь трясло. Шатало землю с перепою.
А сейчас цветок спросонья чуть дрожит.
Я бывал в смешенье судеб сразу всеми —
И в отчаянье спасенье узнавал,
Был прологом и узлом в земной поэме,
Открывал страстей всемирный карнавал.
Не чуждаясь унижения и славы,
Я в соборе и в ночлежном доме пел,
Босиком прошел весь этот век кровавый,
И от казни уберечься не успел.
Вот я снова здесь. Я возвращаю Слово —
В детстве явленную тихую любовь.
Погляди, Учитель мой белоголовый:

Даль созвездий – это свет моих следов.

1979

* * *

Там, над Летой – ветряная мельница:
Это время медленно и страстно
Перемалывает в пыль пространство,
В россыпь звезд. —
А ввысь на крыльях ленится
Вознестись. Оно стоит на месте,
И, вращая ливнями и лунами,
Хочет душу размолоть в возмездье
За беседы с птицами безумными.
Там, над Летой – ветряная ягода
В холодах созрела и повисла:
Это ум несет желаний тяготы,
Это мысль вращает страхов числа.
Над рябиной каменной, осенней —
Звездный ком с измятым скорбью ликом,
Что постиг духовность не по книгам —
И уже не чаёт воскресенья...

1979

Тот, кто из тучи испил грозовой,

Кто окунал свои руки в лаву —
Нет, не мертвец, но только живой
Бога небесного славит!
Только кто звезды срывал, как плоды,
Кто на земле научился
Видеть на скалах веселья следы,
В лиственный лес разворачивать числа —
Кто человечество наперечет
Знает, моря – как свои пять пальцев,
Кто зеленеющий лист рассечет
Вдоль – в глубине созреваний скитаться,
Кто поднимался из тьмы гробовой,
Чтоб на рассвете пропеть свое «Ауе» —
Тот не умрет уже. Только живой
Бога небесного славит!

1979

Морской дух

Здравствуй, царь Соломон!
Я из Моря Крови,
Где рыбы вымерли, где одни
Волны в бесплодных турнирах дни
Проводят, где сохранились, кроме
Воплей беззвучных, слогов морских, —
В медленных, скользких ларцах тоски

Жемчужин погашенные огни.
Лишь человеческой плоти лаской
Их оживишь. Я тебе принес
Эти куски неслышанных слез.
Можешь дарить их царице Савской
За потаенную, терпкую ночь,
Можешь для зелья их истолочь —
И настоять на прохладе рос...
Кто из потомков твоих украсит
Выдохом водных глубин свою грудь, —
Жарких столетий вытерпит жуть,
Как мореход непреклонной расы
Тирской, лишь вихря налет миновал
И бесноватый стихает вал, —
К новым невгодам свой проавит путь.
Зелья жемчужного кто отопьет, —
Хлынет печаль в него гимном неспетым,
Океаническим, фосфорным светом
Мысли пронзив ему, словно копьем.
Мраком рожден, от людей отстранен,
Внутренним, скрытым, жемчужным огнем
Он засияет – и станет поэтом!..

1979

* * *

Ты не смотри на строфы свысока:
В контексте жизни каждая строка
Моих стихов звучит совсем иначе —
Та тянется, как детская рука,
К лучам звезды. А та, как ветер, плачет.
А вместе все они, наверняка,
Любого буквоеда озадачат.
Но ты на путь щемящий оглянись,
Где время ливнем устремлялось вниз —
И зеркала для неба создавало,
Ты отраженьем облака пленись
В одном из них: ведь, как ни заливало
Край муравьиный, а льняная высь,
Двоясь в воде, покой торжествовала.
Вгляделся? – И запомнить поспеши
Соотношенье тела и души,
Как мне оно в толпе стихов открылось:
Хоть мир звенящий – в хаос раскроши,
Хоть обнаженным петъ взойди на клирос, —
Что гром – зимой, что взрыва сноп – в глуши,
Тебя настигнет насмерть Божья милость!..

1979

* * *

О, твой ли голос слышу я

Чрез столько лет и зим?
Он в эту полночь бытия
Едва ль вообразим,
Но светит – страстный и живой —
В разорванной тиши...
О, я ли слышу голос твой
Из глубины души?
Из глубины звезды литой,
Что мечет пламя дней,
И время – шарик золотой —
Растет, рождаясь в ней.
Из тех истерзанных глубин,
Где рай – подать рукой...
И я отныне – не один.
Но рядом – не другой.

1979

Варлаам и Иоасаф

Торговец приходит к принцу,
Смущенный его величием,
И предлагает ларчик
С жемчужиной дорогой.
Но надо с тем примириться,
Что все это – только притча,
А принц – как маленький мальчик

Перед Вечности грозной рекой.
Торговец приходит к принцу.
Столетия дремлют, кивая.
На улице – древность. Овцы
Бредут, и пастух поет.
Но надо с тем примириться,
Что, крикнуть не успевая,
Внезапно в этом торговце
Принц себя узнает.
Торговец приходит к принцу
И дверь прикрывает плотно.
Виденье крутых ступеней,
Не пройденных, властных вех.
Беседа до света длится.
Врывается город в окна —
Ни времени, ни спасенья:
На свете двадцатый век.

1979

* * *

Метель осыпает несчетной казной
Базар приутихший. И сразу повеяло
Той площадью людной, с толпой ледяной,
Где головы рубят за веру, —
Жестокой, глухой, корневой стариной,

Где смерть, словно ветер, проглотишь,
Где жизни крылатой, где жизни иной
Завистливый зреет зародыш.
И кто же раскусит столетья спустя,
Что казни подобны аккордам,
И баховской мессы бессмертный костяк
Окреп в этом воздухе твердом?...

1979

Исповедь

Я в город вхожу.
Я в предсмертные, в первые крики,
Дрожа, окунаюсь.
В густом многолюдье окон,
На лестничных клетках – и в клетках грудных, где
великий
Вращатель созвездий пирует веков испокон.
Я в город спускаюсь.
Реки разноцветные блики
Меня леденят.
И в воде вразумляющей той
Меж вечных домов словно ветер проносится дикий —
Бездомные судьбы с цыганской своей пестротой.
Я строю дыханье – я вникнуть едва успеваю
В прохожего речь, и обрывком величья она

Доносится следом.

Я каждым отдельно бываю.

Заслуги деревьев на мне – и умерших вина.

А возрастов смена – тиха, как звоночек трамвая,

А старость колдует, к секундам сводя времена,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.